

Владислав Несветаев

ХОЛОДИЛЬНИК

Повесть

Владислав Несветаев
Холодильник. Повесть

«Издательские решения»

Несветаев В.

Холодильник. Повесть / В. Несветаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904002-2

«Холодильник» — история юноши, преждевременно потерявшего смысл жизни, и совершенно бытового пути его поиска. Текст произведения пронизан меланхоличным настроением, которое не отпустит читателя до самого конца. А аллегоричный подтекст об извечной борьбе двух диалектических начал довершает структуру произведения, делая из него своего рода философскую притчу о жизни и смерти, добре и зле.

ISBN 978-5-44-904002-2

© Несветаев В.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Холодильник

Повесть

Владислав Несветаев

© Владислав Несветаев, 2018

ISBN 978-5-4490-4002-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Я окончил первый курс института. Лето подходило к концу. Стояла середина августа. Мой болтливый язык превратил многочисленные круги моего общения в два синих круга под глазами. Большинство друзей и знакомых от меня отвернулось. И даже девушка, с которой мы так хорошо проводили время в Москве, больше не желала со мной общаться. Последнее упущение гложило меня больше остальных.

К счастью, в моем родном Обнинске оставались друзья «на периферии». Они не входили не в один из кругов моего общения, хотя, если углубляться в систематизацию, их можно отнести к одному отдельному кругу, к которому относятся и близкие родственники. Они не были моими сверстниками. Старшие наставники, что ли. В их обществе я был не полноценным участником, а каким-то сторонним наблюдателем. Они – экран в кинотеатре, я – зритель.

Это вгоняло меня в такую тоску, что порой мой рацион был скуднее рациона узника Освенцима. И не только к пище я потерял аппетит, но и к жизни в целом. Однако же появился человек, пробудивший во мне животный голод.

После промозглых серых дней, которые впрочем сильно меня не сковывали, наступило тепло. Не то, чтобы я сильно рвался гулять (я итак жил долгое время на даче в уединении), просто отсутствие общения со сверстниками начало постепенно сказываться на психическом здоровье. Мне стал совершенно безразличен мой внешний вид и отношение окружающих ко мне. Единственное, что меня тревожило, – это разочарованные глаза матери. Когда она видела меня в нетрезвом состоянии, плотины её глазных водохранилищ трещали по швам, но она держала себя мужественно. К тому же она не могла понять природу моего эмоционального состояния, что также заставляло её унывать. Она испытывала то чувство, когда понимаешь, что хочешь и можешь помочь, но не знаешь, чем. Чувство беспомощности. Я бы дал ей возможность меня вытащить, но я сам не мог до конца

понять, в чём дело. Новость о том, что я иду гулять со старым одноклассником, её сильно ободрила.

Игоря я не видел, наверное, с зимы. Тем для общения накопилось огромное множество. Раньше мы были с ним не разлей вода. Но вода всё-таки разлила. Целые две реки в поперечнике отделяли нас друг от друга. Ока и Протва. Простыми словами, двести километров. Я не помнил, почему мы долгое время не могли встретиться летом, ведь мы оба пребывали в родном городе.

Мы, отдавая дань традициям, отправились на прогулку накинув на спины по гитаре.

Он зашёл за мной ко мне домой. Я, как всегда, не был готов. Попросил друга войти, не проявив особой радости от встречи. Игорь прошёл в комнату, как смущённый чем-то хозяин, уселся в кресло и стал теревить шнур от зарядки моего телефона. Когда я ушёл в уборную, мама засемила в мою комнату.

– Здравствуйте, – послышался глухой голос Игоря.

– Ну, как учеба? Рассказывай. Привет, – ответила мама. Любила она здороваться задним числом.

– Ой, да вроде нормально. Я же старостой заделался. Наша прошлая староста в марте в больницу попала. Так вот мне теперича всякие привилегии организывают. По сути учусь всё так же, но оценочки завышают на бал-два. Ну, дак харизматишный юноша. Молодые преподаши так и тают.

Игорь произносил слова с такой глупой деревенской интонацией, что я ненароком стал улыбаться, согретый чувством приятной ностальгии. Такую манеру общения мы с ним выработали вместе. Он, кстати, ещё не разогнался. Обычно, когда мы говорим друг с другом

на своём языке, никто из окружающих нас не понимает. Маме его придуривания нравились. Она искренне смеялась.

– Ну а с девочкой-то все хорошо? Вы ее хоть навещаете?

– Тётъ Роз, я только все эти сходки организовываю. К этой миледи я заявляться не хочу. Она же ненавидит меня всем своим куриным сердцем. Думает, что я её подсидел. Нет, мы с ребятами по пьяне как-то занимались спиритизмом, Владос подтвердит...

– Э, ты что трындишь! – завопил я, окончательно отвлекшись от своего физиологического акта. Комната залилась смехом.

– Да ладно, шучу. Влада не было. Он в нашу «дыру» соваться не хочет. Ты же у нас не какой-то замкадыш! – адресовал он мне последние слова. И тут я вспомнил, почему мы с ним не виделись так долго. Верно, его расстроило моё предвзятое отношение к месту его обучения.

– Ну я теперь не только замкадышом буду! Заполярщиком стану. В армию пойду. Учеба поперек горла! Так что я в твою Калугу теперь хоть каждые выходные, пока не забрегут!

– Так, а ну кончай дурью маяться! – крикнула мама и пошла на кухню продолжать заниматься бытовыми делами. Проходя возле туалета, она дважды стукнула ладонью по двери, поторапливая меня.

После моих недолгих блужданий по комнате и поисков кепки мы вышли из дома. Мама, стоя одной ногой в квартире, а другой – в подъезде, крестила меня, быстро спускающегося по лестнице и прячущего глаза от стыда, вызванного архаичной набожностью собственной матери.

– Ну как там твоя леди Ди? – начал я разговор, выйдя на улицу.

– Ой, братан, мы же развод произвели. Всё. Я ей айпод воротил и футболку с халком. Бабистика локти кусает теперича.

– Зачем? Что она сделала-то?

– Ты поздно как-то спохватился. Я уж с мая без мадам жизнь живу. Честно говоря, не помню, что конкретно случилось.

– Жесть конечно. А айпод зачем отдал? Это же типа подарок.

– А чтобы рассчитаться окончательно. Ну вообще, я думал, она мне медведя воротит. Ну, моему примеру последует. Нифига. Безнравственный народ – эти женщины.

– У вас обостренное чувство справедливости, сир. Мир не так чист, как хрусталики ваших наивных глаз.

Мы шли по аллее в сторону нашего любимого бара. Любимым он был потому, что о нём практически никто не знал. И на нашу любовь к нему, я уверен, повлияли обстоятельства нашего первого визита туда. Думаю, мы просто отождествили бар с той прекрасной порой нашей жизни.

Находится он за Белкинскими прудами, в коттеджном поселке. Место пыльное, сухое и невероятно сильно контрастирующее с прибрежной зоной у прудов. Если окружение прудов, диаметром метров в двести, обросло частоколом хвойных деревьев, то процентное количество влаги на дороге, около которой стоял бар, стремилось к нулю. Создавалось ощущение, что на этой дороге вещество может существовать лишь в двух агрегатных состояниях. В твёрдом и газообразном. Жидкое в такую жару моментально превращается в газообразное. Хотя, стоит справедливо заметить, что в особую жару дорожное полотно начинало постепенно покрываться рельефом, повторяющим узоры протекторов шин проезжающих машин. Выходит, что всё же в жидком состоянии вещество на этой дороге существовать может, но это не отменяет того факта, что микроклимат этой дорожной артерии имел много общего с климатом северо-восточной Африки.

Впервые мы оказались на этой дороге, когда нам было лет по пятнадцать. Мы изучали окрестности города, стараясь найти занятое место, где можно укрыться от бытовой повсе-

дневности. Помимо необъяснимого пилигримного рвения открыть для себя что-то новое наши сердца наполняло животное чувство страсти. Как говорит моя мама, пришло время влюбиться. Нет-нет, мы влюбились не друг в друга (хотя, если отбросить предрассудительные мысли, можно сказать, что мы имели с Игорем некую эмоциональную связь, которую можно назвать любовью), а влюбились в девушек.

Здание бара сильно напоминало салун. И его окружение заставляло вспомнить лучшие вестерны двадцатого века, посему там царил атмосфера приключений. Мы припарковали своих железных коней у входа и вошли в «салун». Мне невероятно сильно хотелось выбить дверь ногой, но я лишь робко толкнул её пальцами правой руки. Интерьер бара напоминал придорожное американское заведение, чьи владельцы явно имели ирландские корни. Слегка приглушенный свет, деревянная обивка стен, гербы каких-то организаций, изображенные внутри треугольных картонок и электрогитара, висящая на стене позади бармена. Ах бармен! Невероятно харизматичный молодой человек со светлыми гусарскими усами. В тот день к нему пришли его друзья. Они приятно проводили время, посасывая пиво из полулитровых бокалов и играя в приставку. Когда мы вошли, на нас почти не обратили внимания. Мы сразу оценили обстановку. Чуть пошептавшись пришли к выводу, что нам запросто продадут пиво без паспортов. Чуйка не подвела. В тот день мы впервые выпили пиво, купленное на свои деньги без разрешения родителей. Осмелев после выпитого, мы попросили поиграть на гитаре. Наверное, такая подростковая наглость слегка смутила ребят, поэтому они ничего не возражали даже когда слушать заплетающиеся ноты нашей игры было невозможно. А останавливаться мы никак не хотели, ведь в бар вошли две молодые девушки. Одну из них я впоследствии стал называть «Леди Ди».

2

Теперь же мы шли в бар уже со своими гитарами, ибо стационарную гитару сломал кто-то из посетителей, Леди Ди и приключения остались в прошлом. Бармен сбрил усы.

Диалог с Игорем совсем не клеился. Мы вспоминали всякие истории, говорили о фильмах, музыке, но былой эмоциональной вовлеченности в разговор никто из нас не испытывал. Он решил спросить меня о том, как я провел последние несколько месяцев.

– Я же со всеми разосрался. Помнишь Лену? Ну, ту, с Петровско-Разумовской. Я рассказывал. Ну, вот мы же с ней типа стали встречаться. Да и всё хорошо у нас было. Но я как-то раз с Серёгой поругался из-за его Оксаны, и он против меня можно сказать всю группу направил. Ну, вот я в тот день был злой и раздосадованный. Сидим вечером с Леной в маке, и не помню, что она такого сказала, но я жуть как взбесился. Сказал ей что-то типа «ты не человек, а набор ярлыков и стереотипов». Просто она понтавалась как-то странно. Вела себя так, будто она один из персонажей, сыгранных Робертом Дауни Младшим. Но если ему такое поведение к лицу, то ей точно нет. Сейчас я так не считаю, конечно, но тогда я дико разбомбился.

– А сейчас что?

– А сейчас она не хочет со мной разговаривать. И вот с мая эта хрень продолжается.

– Ну, понятно, – он потерял интерес к моему рассказу.

– А мне ж потом так хреново было, что я решил уехать на дачу и пожить там в одиночестве.

– И как? Помогло?

– Да просто всю неделю пробухал и ничего для себя не вынес. Всё ещё хуже стало.

Наконец мы добрались до бара. Поздоровались с барменом, заказали по пиву. Стали пить. Уныние, царившее в баре, можно было резать ножом. Тогда я захотел поиграть на гитаре.

– Ребят, тут начальство камеры поставило. Играть у нас теперь нельзя. Я-то не против, но просто меня потом из-за вас оштрафуют, – пролепетал бармен. Какая липовая отмазка. Зачем врать? Нельзя было сказать, как есть? Не хочешь слушать, так и скажи.

В каком-то полудрёме мы сидели за стойкой в ожидании заката. Иногда в бар кто-то заходил, но за стойкой никто не оставался. Все брали пиво с собой. Я водил пальцем по наружному кольцу пустого бокала и наблюдал за агониями мушек, угодивших в хмельное болото разлитого пива. Иногда тишину прерывали чьи-то короткие реплики, но они не находили поддержки, становясь либо риторическими вопросами, либо брошенными в пустоту фразами.

Когда вся эта тоска надоела даже солнцу, и оно начало скрываться за густым сосредоточением сосен, подсвечивая ярко-желтым светом дым фабричных сигар, мы заплатили за пиво и пошли в сторону двора.

Солнце окончательно уступило небо Луне и звездам, когда мы дошли до района. Вместе с темнотой пришёл холод, покрывший наши тела мурашками. Хотелось согреться. Мы уже собирались расходиться по домам, но я обратил внимание на старую, разбитую лавочку, на которой мы время от времени сидели. Это седалище почему-то всегда притягивало шумные компании молодых людей и считалась поистине культовым местом. Это говорит о большой удачливости, когда застаешь её незанятой. Скамейка обладала каким-то шармом и очень часто становилась местом пересечения чьих-то судеб. Можно было сесть на неё и ждать, когда новые интересные знакомства сами упадут тебе на голову. Можно было идти к ней, как к месту получения новой миссии в компьютерной игре. К тому же тем вечером она была будто специально подсвечена поломанным уличным фонарем, который был прикреплен к почему-то до сих пор деревянному столбу одним лишь проводом. Форменный театр. Он висел, как груша на дереве, и лил холодный направленный свет прямо на лавку. Просто нельзя было не обратить на неё

внимания. Мы сели, расчехлили свои инструменты и стали делать музыку. Пальцы и горло стали согреваться, но нутро просто заледенело. Тогда и появился Арам.

3

Из второго подъезда вышел худощавый человек, на вид лет тридцати. На нем были серые домашние треники, легкая коричневая футболка с пятнами не то горчицы, не то соплей и рваные кеды, через дырки которых можно было разглядеть белые носки с изображением голубей. Вид у него был слегка потрепанный, уставший, но взгляд был добродушный, какой-то по-детски искренний. В руке он сжимал литровую бутылку пива. Он шел на звук музыки. Подойдя к нам достаточно близко, чтобы разглядеть наши лица, он остановился и проговорил приятным басом:

– А, ребят, простите. Я вас с балкона увидел и подумал, что вот ты, – он указал на меня, – мой старый приятель. Классно играете.

– Да вы садитесь, послушайте, сами поиграйте. Умеете? – спросил я.

– Умею. Пиво хотите? – когда он говорил, кожа на его скулах сильно натягивалась, и можно было разглядеть кости его черепа.

– Давайте, – в два голоса ответили мы.

– Давайте без «давайте». Я ненамного вас старше, чтоб обращаться ко мне на «вы».

– Да дело даже не в возрасте, сколько в разности социального положения, – отвечал я.

– Ох, поверь, я не далеко от вас ушёл по социальной лестнице. Вот вы кто? Школьники? Студенты?

– Второй курс.

– Ну вот. А я даже первого не закончил. В общем, не надо этих формальностей. Всё в порядке. Считай, что мы с вами сверстники.

Мы сыграли песню «Аквариума» «25 к 10». Когда мы её исполняли, глаза Арама стали отражать свет фонаря. Отражающую способность его глаз повысила работа слезных желёз. Проглатывание им слюны было отчетливо слышно, несмотря на то, что помимо его гортани звучало целых две гитары.

– Ты здесь живешь? – спросил я по окончании игры.

– Раньше жил. Только сегодня утром приехал, – ответил он после небольшой паузы. Его голос дрожал.

– Откуда приехал? – вступил в диалог Игорь.

– Из Таиланда.

– Жил там?

– Ага.

– А зачем приехал?

– Мать у меня умерла. Надежда Васильевна. Жила здесь на втором этаже. Похороны вчера были. Опоздал немного.

Меня эта новость поразила. Я знал Надежду Васильевну и знал, что она умерла (про наш город иногда говорят: «На одном конце пёрднут, на другом конце запах учуют»), но я и не думал, что у неё есть сын в Таиланде. Однако факт наличия у неё сына не так сильно меня удивил, как эмоциональное состояние последнего. Его улыбчивая тоскливость никак не отражала его горе. Максимум, что могло у него случиться, как я тогда думал, – это усталость после работы, ссора с женой, но никак не потеря самого близкого человека. Я не знал, как отреагировать на его откровение, поэтому просто опустил голову и чуть пошаркал ногой по песку. Игорь в точности воспроизвел мои действия.

– А давно в Таиланде живешь? Я тебя никогда раньше не видел.

– Я уехал, когда ты ещё не родился, ну или был совсем маленьким.

Я пытался посчитать, сколько ему лет.

– То есть тебе уже за тридцать?

- Тридцать четыре.
  - И во сколько ты уехал, получается?
  - В девятнадцать.
  - Мне сейчас девятнадцать.
  - Да и мне тоже, хоть в паспорте и другая цифра. А ну-ка дай мне гитару.
- Я молча протянул ему свою «Ямаху».

Талантище! Других слов подобрать невозможно. Безусловно ему не хватало механических умений в игре, но как честно звучали песни в его исполнении. Как это было чисто и красиво. И в контексте озвученной им новости музыка звучала ещё более проникновенно. Игорь завороченно слушал его исполнение, не пытаясь дополнить партии Арама каким-нибудь соло. Он звучал самодостаточно.

- Ты просто талантище! – похвалил его Игорь.
- Ой досадно, когда годы кропотливого труда называют талантом.
- Да нет же! В тебе определено что-то есть. Без харизмы и тонкого чувства музыки такого не выдать, – вступил я.

- Ой спасибо, парни. А вы здесь часто собираетесь?
- Да вот только первый раз за лето сюда с гитарами пришли. Давно не были.

– Жизнь – череда удивительных совпадений и совокупность переплетений судеб, – потянуло нового знакомого на размышления. – Перед первым курсом однажды поехал в Крым. Был, считай, без денег. На спине рюкзак и палатка. С горем пополам добрался до какого-то дикого пляжа возле Ялты. Стал разбивать палатку. Смотрю: чувак какой-то то же самое делает. Ну, я подошёл к нему, говорю, мол, давай рядом разобьем лагери, чтоб несколько костров не разводиться. Да и веселее вместе. Ну, он согласился. И вот потемнело, стали разговаривать. Он из Питера, оказалось. Ну, я ему и говорю, что жил когда-то там. Он спросил, на какой станции. Я ответил. Он такой: «О! А что за улица?». Я ответил. Потом спросил про дом и про квартиру. Глаза у него были по пять рублей. Он только что с той квартиры приехал.

- Да ладно? Это как так?

– Ну, я одно время играл с одной группой. Мы там репетировали. А сейчас ребята продвинулись, и тот чувак теперь их личный водитель.

Я как-то лукаво ухмыльнулся и недоверчиво уставился ему в лицо, но не заметил в его глазах ни тени иронии.

- Тебя, кстати, как звать?
- Арам. А вас?

Мы представились и только тогда пожали руку Араму.

Тем временем к нам подошли Саша с Ромой. Они, братья-близнецы, лет на пять младше Арама. Саня – мой спасательный круг. Когда мне совсем не с кем было общаться, он одним своим существом заменял мне всех людей, которые что-то значили для меня. Он был для меня и другом, и мудрым взрослым наставником, и предметом для шуток. Другое дело, что его мозг работает, как губка, которая может впитать не только полезную влагу, но и всякую грязь. Он безусловно обладает глубоким пониманием жизни, но помой, которыми он набил свою голову явно туманят его рассудок. Реальность для него существует в тесном симбиозе с вымыслом. Он на полном серьезе может употреблять в речи такие слова, как «энергетика», «дух», «бог» и другие. Но отдельное место в его голове занимает полка с фэнтези. Благо, понять, что эльфов и орков не существует, у него ума хватает. Видимо, поэтому фэнтези и занимает *отдельную* полку. От постоянного конфликта вымысла и реальности в его голове, поверхность последней лишилась волос, поэтому Александра можно легко различить в толпе по характерному блеску, производимому его макушкой. Приходится подвергать его речи серьезной фильтрации, а особенно его советы. Слушать истории его любви, безусловно, интересно и приятно, но эту дея-

тельность можно сравнить со слушанием истории о счастье жителей Бреста, которое они испытывали двадцатого июня сорок первого года. Девушки не сильно любят мягкотелых мужчин с наивным взглядом на жизнь, наверное, поэтому он до сих пор и живёт с мамой и двумя собаками, которые своими фенотипами больше напоминают гиен. Другое дело – его брат.

Рома – это человек с острым чувством юмора. Его от брата отделяет целая пропасть. Он понимает жизнь настолько хорошо, что перестал относиться к ней серьезно. В его теле понятие «ирония» нашло материальное воплощение. У девушек он пользуется большой популярностью. Я люблю, когда мы гуляем втроем: я, он и Саня, – ибо когда последний начинает нести очередной бред, есть человек поблизости, который помогает мне противостоять этому потоку невежества. Живёт он у бабушки, но, думаю, это дело времени.

– Здорово, – Рома похлопал меня по плечу.

– О, Ромас. Это Игорян, мой кореш, а это Арам. С Саньком в одном падики живёт.

– Арам? – удивились братья.

– Рома и... Саша? С четвертого этажа, да? – спросил Арам.

– Да-а-а, – парни пребывали в легком шоке, – ты когда приехал? С матерью успел увидеться? – продолжил Саша после небольшой паузы. Рома ткнул его локтем в бок.

– Да ничего. Не успел я ничего. Вот сегодня только с её надгробной плитой увиделся.

– Что теперь делать будешь? Обрати поедешь?

– Ой, не думаю. У меня проблемы с документами. Вряд ли меня обратно пустят. Останусь здесь. Буду жить с отцом. Он меня на «Самсунг» устроит.

– Ну вы держитесь. Сочувствую вашему горю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.